

Я люблю рассматривать старые фотографии.

Снимки как будто приоткрывают окошко в другую жизнь. В нашей семье из-за кочевой жизни родителей не скопились в наследство какие-либо материальные раритеты, а фотографии места в багаже занимали немного. Зато как сейчас они бесценны!

ИТАК, семейное древо Самойловых из захолустной деревни Голосово нынешнего Первомайского района. Там в семье Ивана Григорьевича Самойлова, с детства по деревенской традиции уехавшего в Питер, обучившегося там в совершенстве профессии повара по холодным закускам и

пор жива среди Самойловых красивая легенда. Кочевал возле Голосова цыганский табор, молодая цыганка зашла в деревню погадать. И встретила Шурика. Оба были молоды и красивы. Цвела белая сирень. Александр сорвал душистую кисть и воткнул ее в волосы цыганки. Цыганка влюби-

КОРНИ НАШЕГО ДРЕВА

лась, и пока табор не собрал свой обоз, все приходила в Голосово и пела печальные песни. Потом Александр уехал в Ташкент, а во время войны погиб в танковом сражении под Москвой.

Виктор, тот, что в очках, стал инженером-электриком в Иванове. Страстно любил охоту и каждое лето возвращался в Голосово, где ждал его ирландский сеттер Финал. Но в Иванове он сам стал объектом охоты – его репрессировали. Тут тоже была своя легенда. Якобы однажды из трамвайного депо почему-то вышел состав без вагоновожатого. Инженеров обвинили во вредительстве.

Не очень долго служившего в ресторане на Невском проспекте, родились четыре сына и дочь.

Во время первой мировой войны Иван Самойлов вернулся в деревню. Юность его детей выпала на послереволюционное время, которое развело их по разным российским адресам. Где-то в двадцатых годах лето свело их вместе, тогда и появилась фотография братьев (снимок вверху). Удивительно красивы их одухотворенные, живые лица. Уверенно встретили они новую жизнь, не догадываясь, как трагично рассчитывается она с ними рас... За что?

Старший Иван, ушедший на военную службу, был комиссаром на Ленинградском фронте, вместе с семьей переживал блокаду. Жена его Марфа умерла от голода, отдавая свой хлеб детям, до последней возможности сохраняя свою прекрасную косу – до пояса, толщиной в руку. Детей в 1944 году Иван привез на поправку к матери в Голосово. Я до сих пор помню худенького до прозрачности подростка со странным именем Уар, который все не мог поверить, что бывают завтраки и обеды, и старался отложить в укромное место хлебные корки. Сам Иван так и не оправился после перенесенного – умер совсем молодым.

Александр – Шурик – был самым веселым и обаятельным парнем в деревне. До сих

долго пробыл в застенках Виктор, но время это уже не мог забыть. Он умер, навещая старенькую мать, и похоронен на кладбище села Никола-Гора. А старожилы вспоминают, как его жена Александра Петровна, тогда заместитель председателя Ивановского обкома, член Комитета советских женщин, вызванная из командировки в Финляндию, прилетела на похороны на маленьком самолете, который приземлился в двух шагах от ее родительского дома.

И Петра не обошли невзгоды – ему выпала карело-финская война. Он пережил братьев, но после войны карельские морозы всегда напоминали о себе недугами и болями. Был председателем колхоза, вырастил троих сыновей, имена всех на букву «А» – Александр, Альберт, Анатолий. Александр многие годы был связан с лесным хозяйством района, а Анатолий стал знатным механизатором-орденоносцем и даже побывал на строительстве газопровода в Сахаре. Он же после урагана, пролетевшего над Первомаем и свалившего посаженную нашей прабабкой родовую березу у голосовского дома, посадил там молодой веселый клен.

Лидии Самойловой, моей мамы, на снимке нет – она в то время училась в Даниловском педучилище. Но снимок (слева) примерно этого же периода сохранился. Вот она, с обнаженными плечами, с задорной стрижкой волнистых волос. Рассказывала историю снимка. Вместе с подружкой-фотографом писали лозунги к какому-то комсомольскому празднику. И подружка обвязала ей грудь алым полотнищем, воткнула за край его ветку искусственных цветов – получилась настоящая дама, направляющаяся на бал.

А потом появился на снимках новый персонаж – Константин Копылов, молодой агроном и баянист, с которым Лидия семь раз переезжала из района в район. Почти на всех снимках он если не возле первого «Фордзона», не среди колхозников на поле, то уж обязательно с баяном в руках. И чудом сохранившиеся снимки ярче всех слов рассказыва-

бесчисленными пуговицами на груди. Это была, говорили, культгайтбригада «Синяя блуза». Группа комсомольцев ездила по деревням, проводила беседы и вечера. Кое-что о ее работе рассказывают фотографии. Вот синемблужники выпускают стенгазету, крайняя слева – моя мать-учительница (снимок внизу). Ставили на сельской сцене какой-то антирелигиозный спектакль. Отец – с баяном, мама – старуха в платке. Концерт «Синей блузы» – в центре гармонист и моя мама, плечом к плечу, все в своей голубой униформе.

Есть в семейном архиве снимок – с винтовками. Только отец – с гармошкой. Все, и мама в том числе, в гимнастерках и фуражках, целятся куда-то. Они еще не знают, что скоро предстоит им стрелять в настоящего врага.

А если взять фотографии другой ветви моей семьи, там встретишь первую комсомол-

ют об азартной и дружной жизни тогдашних комсомольцев.

Помню, как приезжал навестить меня в деревне отец на горячем коне – другой «техники» в то время не полагалось. Сажал меня перед собой на жесткую лошадиную шею, и мы скакали с ветерком по большой дороге, вдоль которой еще гордо стояли знаменитые екатерининские березы.

Часто с ним приезжала в деревню и мама, иногда с целой группой товарищей. Бывало, заглядывали они после какого-то мероприятия – в голубых сатиновых рубашках, с

ку-трактористку Клавдию, ее мужа Константина, пропавшего без вести на войне, ее брата Владимира, погибшего под Ржевом.

Вот и получается – одна семья, а своими корнями и ветвями накрепко проросла в историю всей страны.

Инна КОПЫЛОВА.
Фото из семейного архива.
От редакции. Если в ваших семьях сохранились интересные фотографии, напишите нам или позвоните по телефону 32-97-59. Корреспонденты газеты обязательно расскажут об истории вашей семьи.